

Н. Гоголь

НАРОДНОЕ
ИЗДАНИЕ

МАЙСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ УТОПЛЕНИЦА.

МОСКВА.

Цѣна 15 коп.

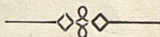

24
679

Н. ГОГОЛЬ.

МАЙСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ УТОПЛЕНИЦА.

НАРОДНОЕ ИЗДАНИЕ

КНИЖНАГО МАГАЗИНА

В. ДУМНОВА,

ПОДЪ ФИРМОЮ

НАСЛѢДНИКИ БРАТЪЕВЪ САЛАЕВЫХЪ.

МОСКВА.

Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа

Арбатъ, домъ Платонова.

1887.

Доволено Цензурою. Москва, 1-го апрѣля 1887 года.

2007085182

Майская ночь, или утопленица.

Врагъ его батька знае!
начнутъ що небудь робить
люди хрещені, то мордуют-
ця, мордуютця, мовъ хорты
за зайцемъ, а все щось не
до шмыги; тількі жъ куды
чортъ улететця, то верть
хвостикомъ — такъ де воно
й візметця!

I.

ГАННА.

Звонкая пѣсня лилась рѣкою по улицамъ села***.

Было то время, когда утомленные дневными трудами и заботами парубки и дѣвушки шумно собирались въ кружокъ, въ блескъ чистаго вечера, выливать свое веселье въ звуки, всегда неразлучные съ уныніемъ. И задумавшійся вечеръ мечтательно обнималъ синее небо, превращая все въ неопредѣленность и даль. Уже и сумерки, а пѣсни все не утихали. Съ бандурою въ рукахъ, пробирался ускольз-

нувшій отъ пѣсельниковъ молодой казакъ Левко, сынъ сельскаго головы. На казакѣ решетиловская шапка. Казакъ идетъ по улицѣ, брэнчитъ рукою по струнамъ и подплясываетъ. Вотъ онъ тихо остановился передъ дверью хаты, уставленной невысокими вишневыми деревьями. Чья же это хата? Чья это дверь? Немного помолчавши, заигралъ онъ и запѣлъ:

Солнце низенько, вечеръ близенько,
Выйди до мене, мое серденько!

— Нѣтъ, видно, крѣпко заснула моя ясноокая красавица! сказалъ казакъ, окончивши пѣсню и приближаясь къ окну. — Галю! Галю! ты спишь, или не хочешь ко мнѣ выйти? Ты боишься, вѣрно, чтобы насъ кто не увидѣлъ, или не хочешь, можетъ быть, показать бѣлое личико на холодъ? Не бойся — никого нѣтъ. Вечеръ тепелъ. Но если бъ и показался кто, я прикрою тебя свиткою, обмотаю своимъ поясомъ, закрою руками тебя — и никто насъ не увидитъ. Но если бы и повѣяло холодомъ, я прижму тебя поближе къ сердцу, отогрѣю поцѣлуями, надѣну шапку свою на твои бѣленькія ножки, сердце мое, рыбка моя, ожерелье! выгляни на мигъ. Просунь сквозь окошечко хоть бѣлую свою ручку... Нѣтъ, ты не спишь, гордая дивчина! проговорилъ онъ громче и такимъ голосомъ, какимъ выражаетъ себя устыдившійся мгновеннаго униженія: — тебѣ любо издѣваться надо мною — прощай!

Тутъ онъ отворотился, насунулъ набекрень свою шапку и гордо отошелъ отъ окошка, тихо перебирая струны бандуры. Деревянная ручка у двери въ это время завертѣлась, дверь распахнулась со скрипомъ, и дѣвушка, на порѣ семнадцатой весны, обвитая сумерками, робко оглядываясь и не выпуская деревянной ручки, переступила черезъ порогъ. Въ полу-

ясномъ мракѣ горѣли привѣтно, будто звѣздочки, ясныя очи, блистало красное коралловое монисто, и отъ орлиныхъ очей парубка не могла укрыться даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щекахъ ея.

— Какой же ты нетерпѣливый! говорила она ему въ полголоса; — уже и разсердился! Зачѣмъ выбралъ ты такое время? Толпа народу шатается то и дѣло по улицамъ... Я вся дрожу...

— О, не дрожи, моя красная калиночка! Прижмись ко мнѣ покрѣпче! говорилъ парубокъ, обнимая ее, отбросивъ бандуру, висѣвшую на длинномъ ремнѣ у него на шеѣ, и сядясь вмѣстѣ съ нею у дверей хаты. — Ты знаешь, что мнѣ и часу не видать тебя горько.

— Знаешь ли, что я думаю? прервала дѣвушка, задумчиво уставивъ въ него свои очи. — Мнѣ все что-то будто на ухо шепчетъ, что впередъ намъ не видаться такъ часто. Недобрые у васъ люди: дѣвушки всѣ глядятъ такъ завистливо, а парубки... Я примѣчаю даже, что мать моя съ недавней поры стала суровѣе приглядывать за мною. Признаюсь, мнѣ веселѣе было у чужихъ.

Какое-то движеніе тоски выразилось на лицѣ ея при послѣднихъ словахъ.

— Два мѣсяца только въ сторонѣ родной и уже соскучилась! Можетъ, и я надоѣлъ тебѣ?

— О, ты мнѣ не надоѣлъ, молвила она, усмѣхнувшись. — Я тебя люблю, чернобровый казакъ! За то люблю, что у тебя карія очи, и какъ поглядишь ты ими, у меня какъ будто на душѣ усмѣхается: и весело, и хорошо ей, что привѣтливо моргаешь ты чернымъ усомъ своимъ, что ты идешь по улицѣ, поешь и играешь на бандурѣ, и люблю слушать тебя.

— О, моя Галя! вскрикнулъ парубокъ, цѣлуя и прижимая ее сильнѣе къ груди своей.

— Постой! полно, Левкѣ! Скажи напередъ, говорилъ ли ты съ отцомъ своимъ?

ТАРАСЕНКО

— Что? — сказалъ онъ, будто проснувшись. — Что я хочу жениться, а ты выйти за меня замужъ? Говорилъ. — Но какъ-то унывно зазвучало въ устахъ его это слово: «говорилъ».

— Что же?

— Что станешь дѣлать съ нимъ? Притворился старый хрѣнъ, по своему обыкновенію, глухимъ: ничего не слышитъ и еще бранитъ, что шатаюсь, Богъ знаетъ гдѣ, и повѣсничая съ хлопцами по улицамъ. Но не тужи, моя Галю! Вотъ тебѣ слово казакое, что уломаю его.

— Да тебѣ только стоитъ, Левко, слово сказать — и все будетъ по-твоему. Я знаю это по себѣ: иной разъ не послушала бы тебя, а скажешь слово — и невольно дѣлаю, что тебѣ хочется. Посмотри, посмотри! продолжала она, положивъ голову на плечо ему и поднявъ глаза вверхъ, гдѣ необъятно синѣло теплое украинское небо, завѣшенное снизу кудрявыми вѣтвями стоявшихъ передъ ними вишенъ. — Посмотри: вонъ, вонъ далеко мелькнули звѣздочки: одна, другая, третья, четвертая, пятая... Не правда ли, вѣдь это ангелы Божіи поотворяли окошечки своихъ свѣтлыхъ домиковъ на небѣ и глядятъ на насъ? Да, Левко? Вѣдь это они глядятъ на нашу землю? Что, если бы у людей были крылья, какъ у птицъ, — туда бы полетѣть высоко, высоко... Ухъ, страшно! Ни одинъ дубъ у насъ не достанетъ до неба. А говорятъ, однако же, есть гдѣ-то, въ какой-то далекой землѣ, такое дерево, которое шумитъ вершиною въ самомъ небѣ, и Богъ сходитъ по немъ на землю ночью передъ Свѣтлымъ праздникомъ.

— Нѣтъ, Галю, у Бога есть длинная лѣстница отъ неба до самой земли. Ее становятъ передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ святые архангелы, и какъ только Богъ ступить на первую ступень, всѣ нечистые духи

полетятъ стремглавъ и кучами попадаютъ въ пекло, и отъ того на Христовъ праздникъ ни одного злого духа не бываетъ на землѣ.

— Какъ тихо колыхнется вода! будто дитя въ люлькѣ, — продолжала Ганна, указывая на прудъ, угрюмо обставленный темнымъ кленовымъ лѣсомъ и оплакиваемый вербами, потопившими въ немъ жалобныя свои вѣтви. Какъ безсильный старецъ, держалъ онъ въ холодныхъ объятіяхъ своихъ далекое темное небо, осыпая ледяными поцѣлуями огненные звѣзды, которыя тускло рѣяли среди теплаго ночного воздуха, какъ бы предчувствуя скорое появленіе блистательнаго царя ночи. Возлѣ лѣса, на горѣ, дремалъ съ закрытыми ставнями старый деревянный домъ; мохъ и дикая трава покрывали его крышу; кудрявыя яблони разрослись передъ его окнами; лѣсъ, обнимая свою тѣню, бросалъ на него дикую мрачность; ореховая роща стлалась у подножія его и скатывалась къ пруду.

— Я помню, будто сквозь сонъ, — сказала Ганна, не спуская глазъ съ него: — давно, давно, когда я еще была маленькою и жила у матери, что-то страшное рассказывали про домъ этотъ. Левко, ты вѣрно знаешь, — расскажи!...

— Богъ съ нимъ, моя красавица! Мало ли чего не расскажутъ бабы и народъ глупый? Ты себя только потревожишь, станешь бояться, и не заснетъ тебѣ покойно.

— Расскажи, расскажи, милый, чернобровый парубокъ! говорила она, прижимаясь лицомъ своимъ къ щекѣ его и обнимая его. — Нѣтъ, ты, видно, не любишь меня, у тебя есть другая дѣвушка! Я не буду бояться, я буду спокойно спать ночь. Теперь-то не засну, если не расскажешь. Я стану мучиться, да думать... расскажи, Левко!...

— Видно, правду говорятъ люди, что у дѣвушекъ сидитъ чортъ, подстрекающій ихъ любопытство. Ну, слушай! Давно, мое сѣрденко, жилъ въ этомъ домѣ сотникъ. У сотника была дочка, ясная панночка, бѣлая, какъ снѣгъ, какъ твое личико. Сотникова жена давно уже умерла; задумалъ сотникъ жениться на другой. — «Будешь ли ты меня нѣжить по-старому, батюшко, когда возьмешь другую жену?» — «Буду, моя дочка, еще крѣпче прежняго стану прижимать тебя къ сердцу! Буду, моя дочка, еще ярче стану дарить серьги и монеты!» Привезъ сотникъ молодую жену въ новый домъ свой. Хороша была молодая жена; румяна и бѣла собою была молодая жена; только такъ страшно взглянула на свою падчерицу, что та вскрикнула, увидѣвши ее, и хоть бы слово во весь день сказала суровая мачеха. Настала ночь; ушелъ сотникъ съ молодою женой въ свою опочивальню; заперлась и бѣлая панночка въ своей свѣтлицѣ. Горько сдѣлалось ей, стала плакать. Глядитъ: страшная черная кошка крадется къ ней; шерсть на ней горитъ, и желѣзные когти стучатъ по полу. Въ испугѣ, вскочила она на лавку, — кошка за нею; перепрыгнула на лежанку, — кошка и туда, и вдругъ бросилась къ ней на шею и душить ее. Съ крикомъ оторвавши отъ себя, кинула ее на полъ; опять крадется страшная кошка. Тоска ее взяла. На стѣнѣ висѣла отцовская сабля. Схватила ее — и брякъ по полу, — лапа съ желѣзными когтями отскочила, и кошка съ визгомъ пропала въ темномъ углу. Цѣлый день не выходила изъ свѣтлицы своей молодая жена; на третій день вышла съ перевязанною рукой. Угадала бѣдная панночка, что мачеха ея — вѣдьма, и что она ей перерубила руку. На четвертый день приказалъ сотникъ своей дочкѣ носить воду, мести хату, какъ простой мужичкѣ, и не показываться въ панскіе покои. Тяжело было бѣд-

няжкѣ, да нечего дѣлать: стала выполнять отцовскую волю. На пятый день выгнала сотникъ свою дочку босую изъ дому, и куска хлѣба не далъ на дорогу. Тогда только зарыдала панночка, закрывши руками бѣлое лицо свое: — «Погубилъ ты, батько, родную дочку свою! Погубила вѣдьма грѣшную душу твою! Прости тебя Богъ; а мнѣ, несчастной, видно, не велитъ онъ жить на бѣломъ свѣтѣ!...» — И вонъ, видишь ли ты?... Тутъ оборотился Левкъ къ Ганнѣ, указывая пальцемъ на домъ. Гляди сюда: вонъ подалѣе отъ дома, самый высокій берегъ! Съ этого берега кинулась панночка въ воду, и съ той поры не стало ея на свѣтѣ...

— А вѣдьма? боязливо прервала Ганна, устремивъ на него прослезившіяся очи.

— Вѣдьма? Старухи выдумали, что съ той поры всѣ утопленницы выходили, въ лунную ночь, въ панскій садъ грѣться на мѣсяцѣ и сотникова дочка сдѣлалась надъ ними главною. Въ одну ночь увидѣла она мачеху свою возлѣ пруда, напала на нее и съ крикомъ утащила въ воду. Но вѣдьма и тутъ нашлась: оборотилась подъ водою въ одну изъ утопленницъ, и черезъ то ушла отъ плети изъ зеленого тростника, которою хотѣли ее бить утопленницы. Вѣрь бабамъ! Рассказываютъ еще, что панночка собираетъ всякую ночь утопленницъ и заглядываетъ поодиночкѣ каждой въ лицо, стараясь узнать, которая изъ нихъ вѣдьма; но до сихъ поръ не узнала. И если попадется изъ людей кто, тотчасъ заставляетъ его угадывать; не то, грозитъ утопить въ водѣ. Вотъ, моя Галю, какъ рассказываютъ старые люди!... Теперешній панъ хочетъ строить на томъ мѣстѣ винницу и прислалъ нарочно для того сюда винокура... Но я слышу говоръ. Это наши возвращаются съ пѣсень. Прощай, Галю! Спи спокойно, да не думай объ этихъ бабьихъ выдумкахъ.

Сказавши это, онъ обнялъ ее крѣпче, поцѣловалъ и ушелъ.

— Прощай, Левко! говорила Ганна, задумчиво вперивъ очи на темный лѣсъ.

Огромный огненный мѣсяцъ величественно сталъ въ это время вырѣзываться изъ земли. Еще половина его была подъ землею, а уже весь міръ исполнился какого-то торжественнаго свѣта. Прудъ тронулся искрами. Тѣнь отъ деревьевъ ясно стала отдѣляться на темной зелени.

— Прощай, Ганна! раздались позади ея слова, сопровождаемые поцѣлуемъ.

— Ты воротился! сказала она, оглянувшись; но, увидѣвъ передъ собою незнакомаго парубка, отвернулась въ сторону.

— Прощай, Ганна! раздалось снова, и снова поцѣловалъ ее кто-то въ щеку.

— Вотъ принесла нелегкая и другого! проговорила она съ сердцемъ.

— Прощай, милая Ганна!

— Еще и третій!

— Прощай! прощай! прощай, Ганна! и поцѣлуи засыпали ее со всѣхъ сторонъ.

— Да ихъ тутъ цѣлая ватага! кричала Ганна, вырываясь изъ толпы парубковъ, наперерывъ спѣшившихъ обнимать ее. — Какъ имъ не надоѣстъ безпрестанно цѣловаться! Скоро, ей Богу, нельзя будетъ показаться на улицѣ!

Вслѣдъ за сими словами дверь захлопнулась, и только слышно было, какъ съ визгомъ задвинулся засовъ.

II.

ГОЛОВА.

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее: съ середины неба глядитъ мѣсяцъ; необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе; горитъ и дышитъ онъ; земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; и чудный воздухъ и прохладно душенъ, и полонъ нѣги, и движетъ океанъ благоуханій. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темно-зеленыя стѣны садовъ. Дѣвственные чащи черемухъ и черешенъ пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ и изрѣдка лепечуть листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный вѣтреникъ, ночной вѣтеръ, подкравшись мгновенно, цѣлуетъ ихъ. Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышитъ, все дивно, все торжественно. А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдругъ все ожило: и лѣса, и пруды, и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья, и чудится, что и мѣсяцъ заслушался его посреди неба... Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще бѣлѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ

толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака низкія ихъ стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спятъ. Гдѣ-гдѣ только свѣтятся узенькія окна. Передъ порогами иныхъ только хатъ запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ.

— Да гопакъ не такъ танцуется! То-то я гляжу, не клеится все. Что жъ это рассказываетъ кумъ?... А ну: гопа траля! гопа траля! гопа, гопа, гопа! — Такъ разговаривалъ самъ съ собою подгулявшій му-

жикъ среднихъ лѣтъ, танцуя по улицѣ. — Ей Богу, не такъ танцуется гопакъ! Что мнѣ лгать? Ей Богу не такъ! А ну: гопъ тралà! гопъ тралà! гопъ, гопъ, гопъ!

— Вотъ одурѣлъ человекъ! добро бы еще хлопецъ какой, а то старый кабанъ, дѣтямъ на смѣхъ, танцуетъ ночью по улицѣ! вскричала проходящая пожилая женщина, неся въ рукѣ соломѣ. — Ступай въ хату свою! Пора спать давно!

— Я пойду! сказалъ, остановившись, мужикъ. — Я пойду. Я не посмотрю на какого-нибудь голову. Что онъ думаетъ, *дідько бѣ утїсся єдò батькови!* что онъ голова, что онъ обливаетъ людей на морозѣ холодною водою, такъ и носъ поднялъ! Ну, голова, голова — я самъ себѣ голова. Вотъ, убей меня Богъ! Богъ меня убей! я самъ себѣ голова. Вотъ что, а не то что... продолжалъ онъ, подходя къ первой попавшейся хатѣ, и остановился передъ окошкомъ, скользилъ пальцами по стеклу и стараясь найти деревянную ручку. — Баба, отвори! Баба, живѣй, говорятъ тебѣ, отвори! Казаку спать пора!

— Куда ты, Калѣникъ? Ты въ чужую хату попалъ, закричали, смѣясь, позади его дѣвушки, ворочавшіяся съ веселыхъ пѣсней. — Показать тебѣ твою хату?

— Покажите, любезныя молодушки!

— Молодушки? Слышите ли? подхватила одна: — какой учтивый Калѣникъ! За это ему нужно показать хату... но нѣтъ, напередъ потанцуй.

— Потанцовать?... эхъ, вы, замысловатыя дѣвушки! протяжно произнесъ Калѣникъ, смѣясь и грозя пальцемъ и оступаясь, потому что ноги его не могли держаться на одномъ мѣстѣ. — А дадите перецѣловать себя? Всѣхъ перецѣлую, всѣхъ!...

И косвенными шагами пустился бѣжать за ними. Дѣвушки подняли крикъ, перемѣшались; но послѣ,

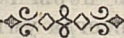
ободрившись, перебѣжали на другую сторону, увидя, что Калѣникъ не слишкомъ былъ скоръ на ноги.

— Вонъ твоя хата! закричали онѣ ему, уходя и показывая на избу, гораздо побольше прочихъ, принадлежавшую сельскому головѣ.

Калѣникъ послушно побрелъ въ ту сторону, принимаясь снова бранить голову.

Но кто же этотъ голова, возбудившій такіе невыгодные о себѣ толки и рѣчи? О, этотъ голова важное лицо на селѣ! Покамѣстъ Каленикъ достигнетъ конца пути своего, мы, безъ сомнѣнія, успѣемъ кое-что сказать о немъ. Все село, завидѣвши его, беретъ за шапки, а дѣвушки, самыя молоденькія, отдаютъ *добрыдень*. Кто бы изъ парубковъ не захотѣлъ быть головою? Головѣ открытъ свободный входъ во всѣ тавлинки, и дюжіи мужикъ почтительно стоять, снявши шапку, во все продолженіе, когда голова запускаетъ свои толстые и грубые пальцы въ его лубочную табакерку. Въ мірской сходѣ, или громадѣ, несмотря на то, что власть его ограничена нѣсколькими голосами, голова всегда беретъ верхъ и почти по своей волѣ высылаетъ, кого ему угодно, равнять и гладить дорогу, или копать рвы. Голова угрюмъ, суровъ съ виду и не любитъ много говорить. Давно еще, очень давно, когда блаженной памяти великая царица Екатерина ѣздила въ Крымъ, былъ онъ выбранъ въ провожатые; цѣлые два дня находился онъ въ этой должности и даже удостоился сидѣть на козлахъ съ царицынымъ кучеромъ. И съ той самой поры еще голова выучился раздумно и важно потуплять голову, гладить длинные, закрутившіеся внизъ усы и кидать соколиный взглядъ исподлобья. И съ той поры голова, о чемъ бы ни заговорили съ нимъ, всегда умѣетъ поворотить рѣчь на то, какъ онъ везъ царицу и сидѣлъ на козлахъ

царской кареты. Голова любитъ иногда прикинуться глухимъ, особливо если услышитъ то, чего не хотѣлось бы ему слышать. Голова терпѣть не можетъ щегольства: носить всегда свитку чернаго домашняго сукна, перепоясывается шерстянымъ цвѣтнымъ поясомъ, и никто никогда не видалъ его въ другомъ костюмѣ, выключая развѣ только времени проѣзда царицы въ Крѣмль, когда на немъ былъ синій казакскій жупанъ. Но это время врядъ ли кто могъ запомнить изъ цѣлаго села; а жупанъ держитъ онъ въ сундукѣ подъ замкомъ. Голова вдовъ; но у него живетъ въ домѣ свояченица, которая варитъ обѣдать и ужинать, моетъ лавки, бѣлитъ хату, прядетъ ему на рубашки и завѣдываетъ всѣмъ домомъ. На селѣ поговариваютъ, будто она совсѣмъ ему не родственница; но мы уже видѣли, что у головы много недоброжелателей, которые рады распускать всякую клевету. Впрочемъ, можетъ быть, къ этому подало поводъ и то, что свояченицѣ всегда не нравилось, если голова заходилъ въ поле, усѣянное жнищами, или къ казаку, у котораго была молодая дочка. Голова кривъ, но за то одинокій глазъ его — злодѣй, и далеко можетъ увидѣть хорошенькую поселянку. Не прежде, однако жъ, онъ наведетъ его на смазливенькое личико, пока не осмотрится хорошенько, не глядитъ ли откуда свояченица. Но мы почти все уже рассказали, что нужно: о головѣ, а пьяный Калѣникъ не добрался еще и до половины дороги, и долго еще угощалъ голову всѣми отборными словами, какія могли только вспасть на лѣниво и невязно поворачивавшійся языкъ его.

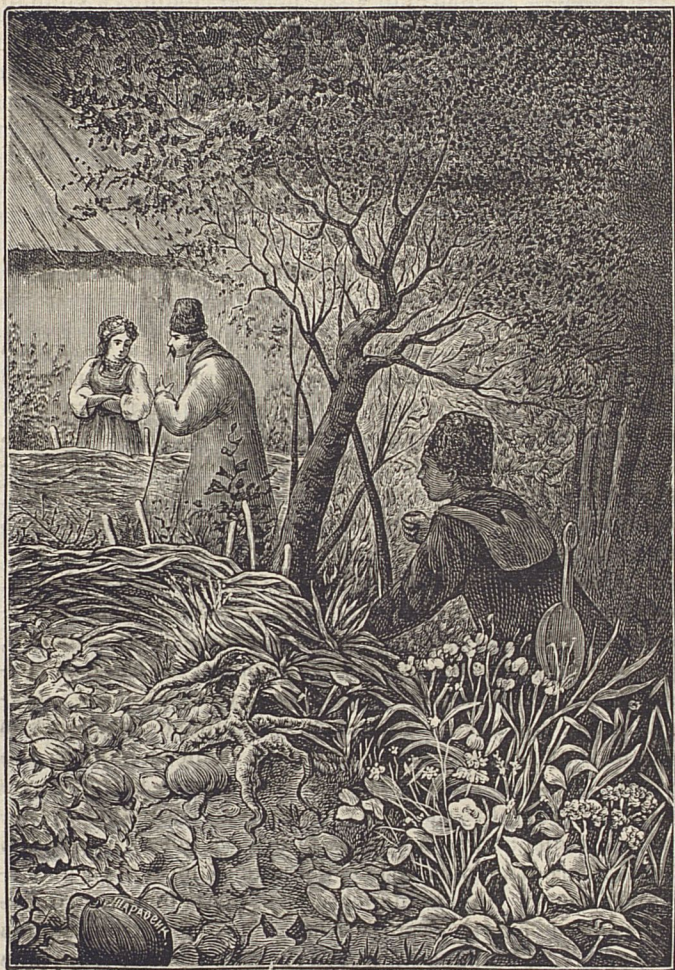

III.

НЕОЖИДААННЫЙ СОПЕРНИКЪ. ЗАГОВОРЪ.

Нѣтъ, хлопцы, нѣтъ, не хочу! Чтò за разгулье такое! Какъ вамъ не надоѣстъ повѣсничать? И безъ того уже прослыли мы, Богъ знаетъ, какими буянами. Ложитесь лучше спать!... — Такъ говорилъ Левкò разгульнымъ товарищамъ своимъ, подговаривавшимъ его на новыя проказы. — Прощайте, братцы! покойная вамъ ночь! и быстрыми шагами шелъ отъ нихъ по улицѣ.

— Спитъ ли моя ясноокая Ганна? — думалъ онъ, подходя къ знакомой намъ хатѣ съ вишневыми деревьями. Среди тишины послышался тихій говоръ. Левкò остановился. Между деревьями забѣлѣла рубашка... — Что это значитъ? — подумалъ онъ и, подкравшись поближе, спрятался за дерево. При свѣтѣ мѣсяца блистало лицо стоявшей передъ нимъ дѣвушки... — Это Ганна! Но кто же этотъ высокій человѣкъ, стоящій къ нему спиною? Напрасно всматривался онъ; тѣнь покрывала его съ ногъ до головы. Спереди только онъ былъ освѣщенъ немного; но малѣйшій шагъ Левкà впередъ уже подвергалъ его непріятности быть открытымъ. Тихо прислонившись къ дереву, рѣшилъ онъ остаться на мѣстѣ. Дѣвушка ясно выговорила его имя.

— Левко?... Левко еще молокососъ! говорилъ хрипло и въ полголоса высокій человѣкъ. — Если я встрѣчу его когда-нибудь у тебя, я его выдеру за чубъ...

— Хотѣлось бы мнѣ знать, какая это шельма похваляется выдрать меня за чубъ! тихо проговорилъ Левко и протянулъ шею, стараясь не проронить ни одного слова. Но незнакомецъ продолжалъ такъ тихо, что нельзя было ничего разслушать.

— Какъ тебѣ не стыдно! сказала Ганна по окончаніи его рѣчи: — ты лжешь, ты обманываешь меня, ты меня не любишь. Я никогда не повѣрю, чтобы ты меня любилъ!

— Знаю, — продолжалъ высокій человѣкъ: — Левко много наговорилъ тебѣ пустяковъ и вскружилъ твою голову (тутъ показалось парубку, что голосъ незнакомца не совсѣмъ незнакомъ, и какъ будто онъ когда-то его слышалъ); но я дамъ себя знать Левку! продолжалъ все такъ же незнакомецъ. — Онъ думаетъ, что я не вижу всѣхъ его шашней. Попробуетъ онъ, собачій сынъ, каковы у меня кулаки!

При этомъ словѣ Левко не могъ уже болѣе удержать своего гнѣва. Подошедши на три шага къ нему, замахнулся онъ изо всей силы, чтобы дать труха, отъ котораго незнакомецъ, несмотря на свою видимую крѣпость, не устоялъ бы, можетъ быть, на мѣстѣ; но въ это время свѣтъ палъ на лицо его, и Левко остолбенѣлъ, увидѣвши, что передъ нимъ стоялъ его отецъ. Невольное покачиваніе головою и легкій сквозъ зубы свистъ одни только выразили его изумленіе. Въ сторонѣ послышался шорохъ; Ганна поспѣшно влетѣла въ хату, хлопнувъ за собою дверь.

— Прощай, Ганна! закричалъ въ это время одинъ изъ парубковъ, подкравшись и обнявши голову, и съ ужасомъ отскочилъ назадъ, встрѣтивши жесткіе усы.

— Прощай, красавица! вскричалъ другой; но на сей разъ полетѣлъ стремглавъ отъ тяжелаго толчка головы.

— Прощай, прощай, Ганна! закричало нѣсколько парубковъ, повиснувъ ему на шею.

— Провалитесь, проклятые сорванцы! кричалъ голова, отбиваясь и притопывая на нихъ ногами. — Что я вамъ за Ганна! Убирайтесь вслѣдъ за отцами на висѣлицу, чортовы дѣти! Поприставали, какъ мухи къ меду! Дамъ я вамъ Ганны!...

— Голова! голова! Это голова! закричали хлопцы и разбѣжались во всѣ стороны.

— Ай да батько! говорилъ Левко, очнувшись отъ своего изумленія и глядя вслѣдъ уходившему съ ругательствами головѣ. — Вотъ какія за тобою водятся проказы! Славно! А я дивлюсь, да передумываю, что бѣ это значило, что онъ все притворяется глухимъ, когда станешь говорить о дѣлѣ. Постой же, старый хрѣнъ, ты у меня будешь знать, какъ шататься подъ окнами молодыхъ дѣвушекъ, будешь знать, какъ отбивать чужихъ невѣсть! — Гей, хлопцы! сюда, сюда! кричалъ онъ, махая рукою парубкамъ, которые снова собирались въ кучу: — ступайте сюда! Я увѣщевалъ васъ итти спать, но теперь раздумалъ и готовъ хоть цѣлую ночь самъ гулять съ вами.

— Вотъ это дѣло! сказалъ плечистый и дородный парубокъ, считавшійся первымъ гулякой и повѣсой на селѣ. — Мнѣ все кажется тошно, когда не удастся погулять порядкомъ и настроить штукъ. Все какъ будто недостаетъ чего-то, какъ будто потерялъ шапку или люльку, — словомъ, не казакъ, да и только.

— Согласны ли вы побѣсить хорошенько сегодня голову?

— Голову?

— Да, голову. Чтò онъ въ самомъ дѣлѣ задумалъ? Онъ управляется у насъ какъ будто гетманъ какой. Мало того, что помыкаетъ, какъ своими холопьями, еще и подтѣзжаетъ къ дивчатамъ нашимъ. Вѣдь, я думаю, на всемъ селѣ нѣтъ смазливой дѣвки, за которую бы не волочился голова.

— Это такъ, это такъ! закричали въ одинъ голосъ всѣ хлопцы.

— Что жъ мы, ребята, за холопья? Развѣ мы не такого роду, какъ и онъ? Мы, слава Богу, вольные казаки! Покажемъ ему, хлопцы, что мы вольные казаки!

— Покажемъ! закричали парубки. — Да если голову, то и писаря не минуть.

— Не минемъ и писаря! А у меня, какъ нарочно, сложилась въ умѣ славная пѣсня про голову. Пойдемте я васъ выучу, — продолжалъ Левко, ударивъ рукою по струнамъ бандуры. — Да слушайте: попереодѣвайтесь, кто во чтò ни попало!

— Гуляй, казацкая голова! говорилъ дюжій повѣса, ударивъ ногою въ ногу и хлоннулъ руками. — Что за роскошь! Чтò за воля! Какъ начнешь бѣситься — чудится, будто поминаешь давніе годы. Любо, вольно на сердцѣ, а душа какъ будто въ раю. Гей, хлопцы! Гей, гуляй!...

И толпа шумно понеслась по улицамъ. И благочестивыя старушки, пробужденныя крикомъ, подымали окошки и крестились сонными руками, говоря: «Ну, теперь гуляютъ парубки!»

IV.

ПАРУБКИ ГУЛЯЮТЪ.

дна только хата свѣтилась еще въ концѣ улицы. Это жилище головы. Голова уже давно окончилъ свой ужинъ и, безъ сомнѣнія, давно бы уже заснулъ; но у него былъ въ это время гость, винокуръ, присланный строить винокурню помѣщикомъ, имѣвшимъ небольшой участокъ земли между вольными казаками. Подъ самымъ пѣкутемъ, на почетномъ мѣстѣ, сидѣлъ гость — низенькій, толстенный человѣкъ, съ маленькими, вѣчно смѣющимися глазками, въ которыхъ, кажется, написано было то удовольствіе, съ какимъ

курилъ онъ свою коротенькую люльку, поминутно сплевывая и придавливая пальцемъ выльзавшій изъ нея, превращенный въ золу, табакъ. Облака дыма быстро разрастались надъ нимъ, одѣвая его въ сизый туманъ. Казалось, будто широкая труба съ какой-нибудь винокурни, наскуча сидѣть на своей крышѣ, задумала прогуляться и чинно усѣлась за столомъ въ хатѣ головы. Подъ носомъ торчали у него коротенькіе и густые усы; но они такъ неясно мелькали сквозь табачную атмосферу, что казались мышью, которую винокуръ поймалъ и держалъ во рту своемъ, подрывая монополію амбарнаго кота. Голова, какъ хозяинъ, сидѣлъ въ одной только рубашкѣ и полотняныхъ шароварахъ. Орлиный глазъ его, какъ вечернѣющее солнце, начиналъ мало-по-малу жмуриться и меркнуть. На концѣ стола курилъ люльку одинъ изъ сельскихъ десятскихъ, составлявшихъ команду головы, сидѣвшій, изъ почтенія къ хозяину, въ свиткѣ.

— Скоро же вы думаете, — сказалъ голова, оборотившись къ винокуру и кладя крестъ на зѣвнувшій ротъ свой, — поставить вашу винокурню?

— Когда Богъ поможетъ, то этою осенью, можетъ, и закуримъ. На Покровъ, бьюсь обѣ закладъ, что панъ голова будетъ писать ногами нѣмецкіе крендели по дорогѣ.

По произнесеніи этихъ словъ, глазки винокура пропали; вмѣсто нихъ протянулись лучи до самыхъ ушей; все туловище стало колебаться отъ смѣха, и веселыя губы оставили на мгновеніе дымившуюся люльку.

— Дай Богъ! сказалъ голова, выразивъ на лицѣ своемъ что-то подобное улыбкѣ. — Теперь еще, слава Богу, винницъ развелось немного. А вотъ, въ старое время, когда провожалъ я царицу по Переяславской дорогѣ, еще покойный Безбородко...

— Ну, свать, вспомнилъ время! Тогда отъ Кре-
менчуга до самыхъ Роменъ не насчитывали и двухъ
винницъ. А теперь... Слышалъ ли ты, что повывумы-
вали проклятые нѣмцы? Скоро, говорятъ, будутъ
курить не дровами, какъ всѣ честные христіане, а ка-
кимъ-то чортовскимъ паромъ... Говоря эти слова,
винокуръ въ размышленіи глядѣлъ на столъ и на
разставленные на немъ руки свои. — Какъ это па-
ромъ — ей Богу не знаю!

— Что за дурни, прости Господи, эти нѣмцы!
сказалъ голова. — Я бы батогомъ ихъ, собачьихъ
дѣтей! Слыханное ли дѣло, чтобы паромъ можно было
кипятить что? Поэтому, ложку борщу нельзя поднести
ко рту, не изжаривши губъ, вмѣсто молодого поро-
сенка...

— И ты, свать, — отозвалась сидѣвшая на лежанкѣ,
поджавши подъ себя ноги, свояченица, — будешь
все это время жить у насъ безъ жены?

— А для чего она мнѣ?... Другое дѣло, если бы
что доброе было.

— Будто не хороша? спросилъ голова, устремивъ
на него глазъ свой.

— Куды тебѣ хороша! *Старà, якъ бисъ.* Харя вся
въ морщинахъ, будто выпороженный кошелекъ. —
И низенькое строеніе винокура расшаталось снова
отъ громкаго смѣха.

Въ это время что-то стало шарить за дверью: дверь
растворилась — и мужикъ, не снимая шапки, ступилъ
черезъ порогъ и сталъ, какъ будто въ раздумьи,
посреди хаты, разинувши ротъ и оглядывая пото-
локъ. Это былъ знакомецъ нашъ, Калѣникъ.

— Вотъ, я и домой пришелъ! говорилъ онъ, са-
дясь на лавку у дверей и не обращая никакого вни-
манія на присутствующихъ. — Вишь, какъ растянулъ
вражій сынъ, сатана, дорогу! Идешь, идешь, и конца

нѣтъ! Ноги какъ будто переломалъ кто-нибудь. Достань-ка тамъ, баба, тулупъ подостлатъ мнѣ. На печь къ тебѣ не приду, ей Богу, не приду: ноги болятъ! Достань его; тамъ онъ лежитъ, близъ пѣкутя; гляди только, не опрокинь горшка съ тертымъ табакомъ. Или нѣтъ, не тронь, не тронь! Ты, можетъ быть, пьяна сегодня... Пусть, уже я самъ достану.

Калѣникъ приподнялся немного, но неодолимая сила приковала его къ скамейкѣ.

— За это люблю, — сказалъ голова: — пришелъ въ чужую хату и распоряжается, какъ дома? Выпроводить его по-добру, по-здорову!...

— Оставь, свать, отдохнуть! сказалъ винокуръ, удерживая его за руку. — Это полезный человѣкъ: побольше такого народу — и винница наша славно бы пошла...

Однакоже не добродушіе вынудило эти слова. Винокуръ вѣрилъ всѣмъ примѣтамъ, и тотчасъ прогнать человѣка, уже сѣвшаго на лавку, значило у него накликать бѣду.

— Что-то, какъ старость придетъ!... ворчалъ Калѣникъ, лежа на лавку. — Добро бы, еще сказать, пьянъ, такъ нѣтъ же, не пьянъ, ей Богу, не пьянъ! Чтò мнѣ лгать? Я готовъ объявить это хотъ самому головѣ. Чтò мнѣ голова? Чтòбъ онъ издохнулъ, собачій сынъ! Я плюю на него! Чтòбъ его, одноглазаго чорта, возомъ переѣхало! Что онъ обливаетъ людей на морозѣ...

— Эге! влѣзла свинья въ хату, да и лапы суетъ на столъ, — сказалъ голова, гнѣвно подымаясь съ своего мѣста; но въ это время увѣсистый камень, разбивши окно вдребезги, полетѣлъ ему подъ ноги. Голова остановился... — Если бы я зналъ, говорилъ онъ, подымая камень, — какой это висѣльникъ швырнулъ, я бы выучилъ его, какъ кидаться! Экія пресказы! продол-

жалъ онъ, разсматривая его на рукѣ пылающимъ взглядомъ. — Чтобъ онъ подавился этимъ камнемъ...

— Стой, стой! Боже тебя сохрани, свать! подхватилъ, поблѣднѣвши, винокуръ. — Боже сохрани тебя, и на томъ и на этомъ свѣтѣ, поблагословить кого-нибудь такую побранкою!

— Вотъ нашелся заступникъ! Пусть онъ пропадетъ!...

— И не думай, свать! Ты не знаешь, вѣрно, что случилось съ покойною тещею моею?

— Съ тещей?

— Да, съ тещей. Вечеромъ, немного, можетъ, раньше теперешняго, усѣлись вечерять: покойная теща, покойный тестъ, да наймытъ, да наймычка, да дѣтей штукъ съ пятеро. Теща отсыпала немного галушекъ изъ большого казана въ миску, чтобы не такъ были горячи. Послѣ работъ всѣ проголодались и не хотѣли ждать, пока галушки остынутъ. Вздѣвши ихъ на длинныя деревянные спички, начали ѣсть. Вдругъ откуда ни возмись человѣкъ, какого онъ роду, Богъ его знаетъ, просить и его допустить къ трапезѣ. Какъ не накормить голоднаго человѣка? Дали и ему спичку. Только гость упрятываетъ галушки, какъ корова сѣно. Покамѣстъ тѣ сѣбли по одной и опустили спички за другими, дно было гладко, какъ панскій помостъ. Теща насыпала еще; думаетъ, гость наѣлся и будетъ убирать меньше. Ничего не бывало: еще лучше сталъ оплетать! и другую выпорожнилъ: «А чтобы ты подавился этими галушками!» подумала голодная теща; какъ вдругъ тотъ поперхнулся и упалъ. Кинулись къ нему — и духъ вонъ, удавился!

— Такъ ему, обжорѣ проклятому, и нужно! сказалъ голова.

— Такъ бы, да не такъ вышло: съ того времени

покою не было тещѣ. Чуть только ночь, мертвецъ и тащится. Сядетъ верхомъ на трубу, проклятый, и галушку держать въ зубахъ. Днемъ все спокойно, и слуху нѣтъ про него; а только станетъ примерять, погляди на крышу, уже и осѣдлалъ собачій сынъ трубу.

— И галушка въ зубахъ?

— И галушка въ зубахъ.

— Чудно, свать! Я слыхалъ что-то похожее еще за покойницу...

Тутъ голова остановился. Подъ окномъ послышался шумъ и топанье танцующихъ. Сперва тихо звукнули струны бандуры, къ нимъ присоединился голосъ. Струны загремѣли сильнѣе; нѣсколько голо-совъ стали подтягивать — и пѣсня зашумѣла вихремъ:

Хлопцы, слышали ли вы?
 Наши ль головы не крѣпки!
 У кривого головы
 Въ головѣ разсѣлись кленки.
 Набей, бондарь, голову
 Ты стальными обручами!
 Вспрысни, бондарь, голову
 Батогами, батогами!
 Голова нашъ сѣдъ и кривъ!
 Старъ, какъ бѣсъ, а что за дурень!
 Прихотливъ и похотливъ:
 Жметъ къ дѣвкамъ... Дурень, дурень!
 И тебѣ лѣзть къ парубкамъ!
 Тебя бѣ нужно въ домовину,
 По усамъ да по шеямъ!
 За чуприну, за чуприну!

— Славная пѣсня, свать! сказалъ винокуръ, на-клоня немного на бокъ голову и оборотившись къ го-ловѣ, остолбенѣвшему отъ удивленія при видѣ такой дерзости. — Славная! скверно только, что голову по-минаютъ несовсѣмъ благопристойными словами...

ТАРАСХИВ

И онъ опять положилъ руки на столъ съ какимъ-то сладкимъ умиленіемъ въ глазахъ, приготовляясь слушать еще, потому что подъ окномъ гремѣлъ хохотъ и крики: «снова, снова!» Однакожь проникающий глазъ увидѣлъ бы тотчасъ, что не изумленіе удерживало долго голову на одномъ мѣстѣ. Такъ только старый, опытный котъ допускаетъ иногда неопытную мышъ бѣгать около своего хвоста, а между тѣмъ быстро созидаетъ планъ, какъ перерѣзать ей путь въ нору. Еще одинокій глазъ головы былъ устремленъ на окно, а уже рука, давши знакъ десятскому, держалась за деревянную ручку двери, и вдругъ на улицѣ поднялся крикъ... Винокуръ, къ числу многихъ достоинствъ своихъ присоединявшій и любопытство, быстро набивши табакомъ свою люльку, выбѣжалъ на улицу, но шалуны уже разбѣжались.

Нѣтъ, ты не ускользнешь отъ меня! кричалъ голова, таща за руку челоуѣка въ вывороченномъ шерстью вверхъ овчинномъ черномъ тулупѣ. Винокуръ, пользуясь временемъ, подбѣжалъ, чтобы посмотрѣть въ лицо этому нарушителю спокойствія; но съ робостію попятился назадъ, увидѣвши длинную бороду и страшно размалеванную рожу. — Нѣтъ, ты не ускользнешь отъ меня! кричалъ голова, продолжая тащить прямо въ сѣни своего плѣнника, который, не оказывая никакого сопротивленія, спокойно слѣдовалъ за нимъ, какъ будто въ свою хату. «Карпо, отворяй камору!» сказалъ голова десятскому. «Мы его въ темную камору! А тамъ разбудимъ писаря, соберемъ десятскихъ, переловимъ всѣхъ этихъ буяновъ и сегодня же и резолюцію всѣмъ имъ учинимъ!»

Десятскій забренчалъ небольшимъ висячимъ замкомъ въ сѣняхъ и отворилъ камору. Въ это самое время плѣнникъ, пользуясь темнотою сѣней, вдругъ вырвался съ необыкновенною силою изъ рукъ его.

— Куда? закричалъ голова, ухвативъ его еще крѣпче за воротъ.

— Пусти, это я! слышался тоненькій голосъ.

— Не поможетъ! не поможетъ, братъ! Визжи себѣ хоть чортомъ, не только бабою, меня не проведешь! и толкнувъ его въ темную камору такъ, что бѣдный плѣнникъ застоналъ, упавши на полъ, а самъ, въ сопровожденіи десятскаго, отправился въ хату писаря, и вслѣдъ за ними, какъ пароходъ, задымился винокуръ.

Въ размышленіи шли они всѣ трое, потупивъ головы, и вдругъ, на поворотъ въ темный переулокъ, разомъ вскрикнули отъ сильнаго удара по лбамъ, и такой же крикъ отгрянулъ въ отвѣтъ имъ. Голова, прищуривши глазъ свой, съ изумленіемъ увидѣлъ писаря съ двумя десятскими.

— А я къ тебѣ иду, панъ-писарь!

— А я къ твоей милости, панъ-голова!

— Чудеса завелися, панъ-писарь!

— Чудныя дѣла, панъ-голова!

— А что?

— Хлопцы бѣсятся, безчинствуютъ цѣлыми кучами по улицамъ! Твою милость величаютъ такими словами... словомъ, сказать стыдно; пьяный москаль побоится вымолвить ихъ нечестивымъ своимъ языкомъ. (Все это худощавый писарь, въ пестрядевыхъ шароварахъ и жилетѣ цвѣта винныхъ дрожжей, сопровождалъ протягиваніемъ шеи впередъ и приведеніемъ ея тотъ же часъ въ прежнее состояніе.) — Вздремнулъ было немного, подняли съ постели проклятые сорванцы своими срамными пѣснями истукомъ! Хотѣлъ было хорошенько приструнить ихъ, да покамѣстъ надѣлъ шаровары и жилетъ, всѣ разбѣжались, куда ни попало. Самый главный однакоже не увернулся отъ насъ. Распѣваетъ онъ теперь въ той

хатѣ, гдѣ держатъ колодниковъ. Душа горѣла у меня узнать эту птицу, да рожа замазана сажею, какъ у чорта, что куетъ гвозди для грѣшниковъ.

— А какъ онъ одѣтъ, панъ-писарь?

— Въ черномъ вывороченномъ тулупѣ сабачій сынъ, панъ-голова!

— А не лжешь ли ты, панъ-писарь? Что, если этотъ сорванецъ сидитъ теперь у меня въ каморѣ?

— Нѣтъ, панъ-голова! Ты самъ, не во гнѣвъ будь сказано, погрѣшилъ немного.

— Давайте огня! мы посмотримъ его!

Огонь принесли, дверь отперли — и голова ахнулъ отъ удивленія, увидѣвъ передъ собою свояченицу.

— Скажи пожалуста, — съ такими словами она приступила къ нему: — ты не свихнулъ еще съ послѣдняго ума? Была ли въ одноглазой башкѣ твоей хоть капля мозга, когда толкнулъ ты меня въ темную камору? Счастье, что не ударилась головою объ желѣзный крюкъ. Развѣ я не кричала тебѣ, что это я? Схватилъ, проклятый медвѣдь, своими желѣзными лапами, да и толкаетъ! Чтобъ тебя на томъ свѣтѣ толкали черти!...

Послѣднія слова вынесла она за дверь, на улицу, куда отправилась для какихъ-нибудь своихъ причинъ.

— Да, я вижу, что это ты! сказалъ голова очнувшись.

— Что скажешь, панъ-писарь, не шельма этотъ проклятый сорви-голова?

— Шельма, панъ-голова!

— Не пора ли намъ всѣхъ этихъ повѣсь прошкодить хорошенько и заставить ихъ заниматься дѣломъ?

— Давно пора, давно пора, панъ-голова!

— Они, дурни, забрали себѣ... Кой чортъ! мнѣ почудился крикъ свояченицы на улицѣ... Они, дурни, забрали себѣ въ голову, что я имъ ровня. Они думаютъ, что я какой-нибудь ихъ братъ, простой казакъ!... Небольшой, послѣдовавшій за симъ, кашель и устремленіе глаза изподлобья вокругъ давали догадываться, что голова готовился говорить о чемъ-то важномъ. — Въ тысяча... этихъ проклятыхъ названій годовъ, хоть убей, не выговорю. Ну — году, комиссару тогдашнему, Ледачему, данъ былъ приказъ выбрать изъ казаковъ такого, который бы былъ посмышленѣе всѣхъ. О! (это «о!» голова произнесъ, поднявши палецъ вверхъ) посмышленѣе всѣхъ! въ проводники царицѣ. Я тогда...

— Что и говорить! это всякій уже знаетъ, панъ-голова! Всѣ знаютъ, какъ ты выслужилъ царскую ласку. Признайся теперь, моя правда вышла: хватилъ немного на душу грѣха, сказавши, что поймалъ этого сорванца въ вывороченномъ тулупѣ?

— А что до этого дьявола въ вывороченномъ тулупѣ, то его, въ примѣръ другимъ, заковать въ кандалы и наказать примѣрно! Пусть знаютъ, что значить власть! Отъ кого же и голова поставленъ, какъ

не отъ царя? Потомъ доберемся и до другихъ хлопцевъ: я не забылъ, какъ проклятые сорванцы вогна́ли въ огоро́дь стадо сви́ней, пере́бви́хъ мою капу́сту и огу́рцы; я не забылъ, какъ чортовы дѣ́ти отка́зались вы́молотить мое́ жито́; я не забылъ... Но прова́лись они, мнѣ́ нужно́ не́премѣ́нно́ узнáть, ка́кая это́ шельма́ въ вы́вороченномъ́ ту́лупѣ́.

— Это́ проворная́, видно́, пти́ца! сказа́лъ виноку́ръ, котора́го ще́ки, въ́ продо́лженіе́ всего́ этого́ разгово́ра, безпрерывно́ заряжа́лись ды́момъ, какъ́ осадная́ пу́шка, и губы́, остави́въ коротенькую́ лю́льку, выброси́ли цѣ́лый о́гненный́ фонта́нъ. — Э́такого́ чело́вѣ́ка не́ худо́, на вся́кій́ случа́й, и при́ винницѣ́ держа́ть; а е́ще́ лучше́ повѣ́сить на́ верху́шкѣ́ дуба́, вмѣ́сто паникади́ла.

Та́кая о́строта́ показа́лась не́ совсѣ́мъ́ глупо́ю ви́нокуру́, и онъ́ тотъ́ же ча́съ рѣ́шилсѣ́, не́ дожидая́сь одобре́нія́ други́хъ, на́градить́ себя́ хри́плымъ́ смѣ́хомъ.

Въ́ это́ время́ ста́ли при́ближа́ться они́ къ́ небольшо́й, почти́ по́валившейся́ на́ земле́, хатѣ́. Любопы́тство́ наши́хъ пу́тниковъ́ увели́чилосьъ́; всѣ́ столпи́лись у́ двере́й. Писа́рь вы́нулъ́ ключъ́, за́гремѣ́лъ имъ́ око́ло замка́; но́ э́тотъ́ ключъ́ бы́лъ отъ́ сунду́ка его́. Не́терпе́ніе увели́чилосьъ́. Засу́нувъ́ руку́, нача́лъ онъ́ ша́рить и сы́пать побранки́, не́ отыски́вая его́.

— Здѣ́сь! сказа́лъ онъ́ на́конецъ́, на́гнувшись́ и вы́нимая́ изъ́ глубли́ны обши́рнаго́ карма́на, кото́рымъ́ снаб́жены́ были́ его́ пестря́девые́ шарова́ры.

При́ э́томъ́ словѣ́, се́рдца́ наши́хъ геро́евъ, каза́лось, сли́лись въ́ одно́, и э́то́ о́громное́ се́рдце́ заби́лось та́къ́ си́льно, что́ неро́вный сту́къ его́ не́ бы́лъ за́глушенъ́ даже́ бря́кнувшимъ́ замко́мъ. Двери́ отво́рились, и... го́лова́ ста́лъ блѣ́денъ, какъ́ поло́отно; виноку́ръ́ почувство́валъ́ холо́дъ, и во́лосы́ его́, ка́-

залось, хотѣли улетѣть на небо; ужасъ изобразился въ лицѣ писаря; десятскіе приросли къ землѣ и не въ состояніи были сомкнуть дружно разинутыхъ ртовъ своихъ: передъ ними стояла свояченица.

Изумленная не менѣе ихъ, она однакожь немного очнулась и сдѣлала движеніе, чтобы подойти къ нимъ.

— Стой! закричалъ дикимъ голосомъ голова и захопнулъ за нею дверь. — Господа, это сатана! продолжалъ онъ. — Огня! живѣе огня! Не пожалѣю казенной хаты! зажигай ее, зажигай, чтобы и костей чортовыхъ не осталось на землѣ!

Свояченица въ ужасѣ кричала, слыша за дверью грозное опредѣленіе.

— Что вы, братцы! говорилъ винокуръ. — Слава Богу, волосы у васъ чуть не въ снѣгу, а до сихъ поръ ума не нажили: отъ простого огня вѣдьма не загорится! Только огонь изъ люльки можетъ зажечь оборотня. Пойдите, я сейчасъ все улажу!

Сказавши это, высыпалъ онъ горячую золу изъ трубки въ пукъ соломы и началъ раздувать ее. Отчаяніе придало въ это время духу бѣдной свояченицы: громко стала она умолять и разувѣрять ихъ.

— Пойдите, братцы! Зачѣмъ напрасно грѣха набираться? Можетъ быть, это и не сатана! сказалъ писарь. — Если оно, то-есть, то самое, которое сидитъ тамъ, согласится положить на себя крестное знаменіе, то это вѣрный знакъ, что не чортъ.

Предложеніе одобрено.

— Чуръ меня, сатана! продолжалъ писарь, приложась губами къ скважинкѣ въ дверяхъ. — Если не пошевелишься съ мѣста, мы отворимъ дверь.

Дверь отворилась.

— Перекрестись! сказалъ голова, оглядываясь и какъ будто выбирая безопасное мѣсто въ случаѣ ретирады.

Свояченица перекрестилась.

— Кой чортъ! точно, это свояченица!

— Какая нечистая сила затащила тебя, кума, въ эту конуру?

И свояченица, всхлипывая, рассказала, какъ схватили ее хлопцы въ охапку на улицѣ и, несмотря на сопротивленіе опустили въ широкое окно хаты и заколотили ставнемъ. Писарь взглянулъ: петли у широкаго ставня оторваны, и онъ приколотень только сверху деревяннымъ брусомъ.

— Добро ты, одноглазый сатана! вскричала она, приступивъ къ головѣ, который попятился назадъ и все еще продолжалъ ее мѣрять своимъ глазомъ. — Я знаю твой умыселъ: ты хотѣлъ, ты радъ былъ случаю съѣсть меня, чтобы свободнѣе было тебѣ волочиться за дивчатами, чтобы некому было видѣть, какъ дурачится сѣдой дѣдъ. Ты думаешь, я не знаю, о чемъ говорилъ ты сего вечера съ Ганною? О, я знаю все! Меня трудно провестъ и не твоей безтолковой башкѣ. Я долго терплю, но послѣ не погнѣвайся...

Сказавши это, она показала кулакъ и быстро ушла, оставивъ въ остолбенѣннй голову.

«Нѣтъ, тутъ не на шутку сатана вмѣшался», думалъ онъ, сильно почесывая свою макушку.

— Поймали! вскрикнули вошедшіе въ это время десятскіе.

— Кого поймали? спросилъ голова...

— Дьявола въ вывороченномъ тулупѣ.

— Подавайте его! закричалъ голова, схвативъ за руки приведеннаго плѣнника. — Вы съ ума сошли: да это пьяный Каленикъ!

— Что за пропасть! въ рукахъ нашихъ былъ, панъ-голова! отвѣчали десятскіе. — Въ переулкѣ окружили проклятые хлопцы, стали танцовать, дер-

гать, высовывать языки, вырывать изъ рукъ... чортъ съ вами!... И какъ мы попали на эту ворону, вмѣсто его, Богъ одинъ знаетъ!

— Властью моею и всѣхъ мірянъ дается повелѣніе, — сказалъ голова: — изловить сей же мигъ сего разбойника, а онымъ образомъ и всѣхъ, кого найдете на улицѣ, и привести на расправу ко мнѣ!

— Помилуй, панъ-голова! закричали нѣкоторые, кланаясь въ ноги. — Увидѣлъ бы ты, какія хари: убей Богъ насъ, и родились и крестились — не видали такихъ мерзкихъ рожъ! Долго ли до грѣха, панъ-голова? Перепугаютъ добраго человѣка такъ, что послѣ ни одна баба не возьмется вылѣчить.

— Дамъ я вамъ переполоху! Что вы? не хотите слушаться? Вы, вѣрно, держите ихъ руку? Вы бунтовщики! Что это?... Да что это?... Вы заводите разбои!... Вы... Я донесу комиссару! Сей же часъ, слышите, сей же часъ, бѣгите, летите птицею! Чтобъ я васъ... Чтобъ вы мнѣ...

Всѣ разбѣжались.

УТОПЛЕНИЦА.

Не беспокоясь ни о чемъ, не заботясь о разсланныхъ погоняхъ, виновникъ всей этой кутерьмы медленно подходилъ къ старому дому и пруду. Не нужно, думаю, сказывать, что это былъ Левкѣ. Черный тулупъ его былъ разстегнутъ; шапку держалъ онъ въ рукѣ; потъ валилъ съ него градомъ. Величественно и мрачно чернѣлъ кленовый лѣсъ, стоявшій лицомъ къ мѣсяцу. Неподвижный прудъ подулъ свѣжестью на усталаго пѣшехода и заставилъ его отдохнуть на берегу. Все было тихо; въ глубокой чащѣ лѣса слышались только раскаты соловья. Непреодолимый сонъ быстро сталъ смыкать ему зѣницы; усталые члены готовы были забыться и онѣмѣть; голова клонилась... «Нѣтъ, этакъ я засну

еще здѣсь!» говорилъ онъ, подымаясь на ноги и протирая глаза. Оглянувшись: ночь казалась передъ нимъ еще блистательнѣе. Какое-то странное, упоительное сіяніе примѣшалось къ блеску мѣсяца. Никогда еще не случалось ему видѣть подобнаго. Серебряный туманъ палъ на окрестность. Запахъ отъ цвѣтущихъ яблонь и ночныхъ цвѣтовъ лился по всей землѣ. Съ изумленіемъ глядѣлъ онъ въ неподвижныя воды пруда: старинный господскій домъ, опрокинувшись внизъ, виденъ былъ въ немъ чистъ и въ какомъ-то ясномъ величіи. Въмѣсто мрачныхъ ставней глядѣли веселыя стеклянныя окна и двери. Сквозь чистыя стекла мелькала позолота. И вотъ почудилось, будто окно отворилось. Притаивши духъ, не дрогнувъ и не спуская глазъ съ пруда, онъ, казалось, переселился въ глубину его и видитъ: прежде выставился въ окно бѣлый локоть, потомъ выглянула привѣтливая головка съ блестящими очами, тихо свѣтлѣвшими сквозь темнорусыя волны волосъ, и оперлась на локоть; и видитъ: она качаетъ слегка головою, она машетъ, она усмѣхается... Сердце его вдругъ забилося... Вода задрожала, и окно закрылось снова. Тихо отошелъ онъ отъ пруда и взглянулъ на домъ: мрачные ставни были открыты; стекла сіяли при мѣсяцѣ. «Вотъ какъ мало нужно полагаться на людскіе толки», подумалъ онъ про себя. «Домъ новенькій; краски живы, какъ будто сегодня онъ выкрашенъ. Тутъ живетъ кто-нибудь». И молча подошелъ онъ ближе; но въ домѣ все было тихо. Сильно и звучно перекликались блистательныя пѣсни соловьевъ, и когда онѣ, казалось, умирали въ томленіи и нѣгѣ, слышался шелестъ и трещаніе кузнечиковъ или гудѣніе болотной птицы, ударявшей скользкимъ носомъ своимъ въ широкое водное зеркало. Какую-то сладкую тишину и раздолье ощутилъ

Левко въ своемъ сердцѣ. Настроивъ бандуру, заигралъ онъ и запѣлъ:

Ой, місяцю, місяченьку!
И ты зоре, ясна!
Ой, світить тамъ по подвірю,
Де дівчина красна.

Окно тихо отворилось, и та же самая головка, которой отраженіе видѣлъ онъ въ прудѣ, выглянула, внимательно прислушиваясь къ пѣснѣ. Длинные рѣсницы ея были полуопущены на глаза. Вся она была блѣдна, какъ полотно, какъ блескъ мѣсяца; но какъ чудна, какъ прекрасна! Она засмѣялась... Левко вздрогнулъ.

— Спой мнѣ, молодой казакъ, какую-нибудь пѣсню! тихо молвила она, наклонивъ свою голову на бокъ и опустивъ совсѣмъ густыя рѣсницы.

— Какую же тебѣ пѣсню спѣть, моя ясная панночка? Слезы тихо покатились по блѣдному лицу ея.

— Парубокъ, — говорила она, и что-то неизъяснимо-трогательное слышалось въ ея рѣчи, — парубокъ, найди мнѣ мою мачеху! Я ничего не пожалѣю для тебя. Я награжу тебя. Я тебя богато и роскошно награжу! У меня есть зарукавья, шитыя шелкомъ, кораллы, ожерелья. Я подарю тебѣ поясъ, унизанный жемчугомъ. У меня золото есть... Парубокъ, найди мнѣ мою мачеху! Она страшная вѣдьма: мнѣ не было отъ нея покою на бѣломъ свѣтѣ. Она мучила меня: заставляла работать, какъ простую мужичку. Посмотри на лицо: она вывела румянецъ своими нечистыми чарами со щекъ моихъ. Погляди на бѣлую шею мою: они не смываются! они не смываются! они ни за что не смоются, эти синія пятна отъ желѣзныхъ ногтей ея! Погляди на бѣлыя ноги мои: онѣ много ходили, не по коврамъ только, —

по песку горячему, по землѣ сырой, по колючему терновнику онѣ ходили! а на очи мой? посмотри на очи: они не глядятъ отъ слезъ!... Найди ее, парубокъ, найди мнѣ мою мачеху!...

Голосъ ея, который вдругъ было возвысился, остановился. Ручьи слезъ покатились по блѣдному лицу. Какое-то тяжелое чувство, полное жалости и грусти, сперлось въ груди парубка.

— Я готовъ на все для тебя, моя панночка! сказалъ онъ въ сердечномъ волненіи; — но какъ мнѣ, гдѣ ее найти?

— Посмотри, посмотри! быстро говорила она: — она здѣсь! она на берегу играетъ въ хороводѣ между моими дѣвушками и грѣется на мѣсяцѣ. Но она лукава и хитра. Она приняла на себя видъ утопленницы, но я знаю, но я слышу, что она здѣсь. Мнѣ тяжело, мнѣ душно отъ нея. Я не могу черезъ нее плавать легко и вольно, какъ рыба. Я тону и падаю на дно, какъ ключъ. Отыщи ее, парубокъ.

Левко посмотрѣлъ на берегъ: въ тонкомъ, серебряномъ туманѣ мелькали дѣвушки, легкія, какъ будто тѣни, въ бѣлыхъ, какъ убранный ландышами лугъ, рубашкахъ; золотыя ожерелья, монисты, дукаты блистали на ихъ шеяхъ; но онѣ были блѣдны: тѣло ихъ было какъ будто изваяно изъ прозрачныхъ облаковъ, и будто свѣтилось насквозь при серебряномъ мѣсяцѣ. Хороводъ, играя, придвинулся къ нему ближе. Послышались голоса:

— Давайте въ вѣрона, давайте играть въ вѣрона! зашумѣли всѣ, будто прирѣчный тростникъ, тронутый, въ тихій часъ сумерекъ, воздушными устами вѣтра.

— Кому же быть вѣрономъ?

Кинули жребій — и одна дѣвушка вышла изъ толпы. Левко принялся разглядывать ее. Лицо, платье, все

на ней такое же, какъ и на другихъ. Замѣтно только было, что она неохотно играла эту роль. Толпа вытянулась вереницею и быстро перебѣгала отъ нападеній хищнаго врага.

— Нѣтъ, я не хочу быть ворономъ! сказала дѣвушка, изнемогая отъ усталости: — мнѣ жалко отнимать цыплятъ у бѣдной матери!

«Ты не вѣдьма», подумалъ Левко. — «Кто же будетъ ворономъ?»

Дѣвушки снова собирались кинуть жребій.

— Я буду ворономъ! вызвалась одна изъ середины.

Левко сталъ пристально вглядываться въ лицо ей. Скоро и смѣло гналась она за вереницею и кидалась во всѣ стороны, чтобы изловить свою жертву. Тутъ Левко сталъ замѣчать, что тѣло ея не такъ свѣтилось, какъ у прочихъ: внутри его видѣлось что-то черное. Вдругъ раздался крикъ: воронъ бросился на одну изъ вереницы, схватилъ ее, и Левку почудилось, будто у ней выпустились когти, и на лицѣ сверкнула злобная радость.

— Вѣдьма! сказалъ онъ, вдругъ указавъ на нее пальцемъ и оборотившись къ дому.

Панночка засмѣялась, и дѣвушки съ крикомъ увели за собою представлявшую ворона.

— Чѣмъ наградить тебя, парубокъ? Я знаю, тебѣ не золото нужно: ты любишь Ганну; но суровый отецъ мѣшаетъ тебѣ жениться на ней. Онъ теперь не помѣшаетъ; возьми, отдай ему эту записку...

Бѣлая ручка протянулась, лицо ея какъ-то чудно засвѣтилось и засіяло... Съ непостижимымъ трепетомъ и томительнымъ біеніемъ сердца схватилъ онъ записку и... проснулся.

П Р О Б У Ж Д Е Н І Е.

Неужели это я спалъ? сказалъ про себя Левко, вставая съ небольшого пригорка. — Такъ живо, какъ будто на яву!... Чудно, чудно! повторилъ онъ, оглядываясь. Мѣсяцъ, остановившійся надъ его головою, показывалъ полночь; вездѣ тишина, отъ пруда вѣялъ холодъ; надъ нимъ печально стоялъ ветхій домъ съ закрытыми ставнями; мохъ и дикій бурьянъ показывали, что давно изъ него удалились

люди. Тутъ онъ разогнулъ свою руку, которая судорожно была сжата во все время сна, и вскрикнулъ отъ изумленія, почувствовавши въ ней записку. — Эхъ, если бы я зналъ грамотѣ! подумалъ онъ, оборачивая ее передъ собою на всѣ стороны. Въ это мгновеніе послышался позади его шумъ.

— Не бойтесь, прямо хватайте его! Чего струсили? насъ десятокъ. Я держу закладъ, что это человекъ, а не чортъ!... Такъ кричалъ голова своимъ спутникамъ, и Левкъ почувствовалъ себя схваченнымъ нѣсколькими руками, изъ которыхъ инныя дрожали отъ страха. — Скидавай-ка, пріятель, свою страшную личину! Полно тебѣ дурачить людей! проговорилъ голова, ухвативъ его за воротъ, — и оторопѣлъ, выпучивъ на него глазъ свой. — Левкъ! сынъ! вскричалъ онъ, отступая отъ удивленія и опуская руки. — Это ты, собачій сынъ! Вишь, бѣсовское рожденіе! Я думаю, какая это шельма, какой это вывороченный дьяволъ строить штуки? а это, выходитъ, все ты, невареный кисель твоему батькѣ въ горло, изволишь заводить по улицѣ разбой, сочиняешь пѣсни!... Эге, ге, ге, Левкъ! А что это? Видно чешется у тебя спина! Вязать его!

— Постой, батько! велѣно тебѣ отдать эту записочку, — проговорилъ Левкъ.

— Не до записокъ, теперь голубчикъ! Вязать его!

— Постой, панъ-голова! сказалъ писарь, развернувъ записку, — комиссарова рука!

— Комиссара?

— Комиссара? повторили машинально десятскіе.

— Комиссара? чудно! еще непонятнѣе! подумалъ про себя Левкъ.

— Читай, читай! сказалъ голова: — что тамъ пишетъ комиссаръ?

— Послушаемъ что пишетъ комиссаръ! произ-

несъ винокуръ, держа въ зубахъ люльку и высѣкая огонь.

Писарь откашлялся и началъ читать:

«Приказъ головѣ, Евтуху Макогодненку. Дошло до насъ, что ты, старый дуракъ, вмѣсто того, чтобы собрать прежнія недоимки и вести на селѣ порядокъ, одурѣлъ и строишь пакости»...

— Вотъ, ей Богу, — прервалъ голова, — ничего не слышу!

Писарь началъ снова:

«Приказъ головѣ, Евтуху Макогодненку. Дошло до насъ, что ты, старый ду...»

— Стой, стой! не нужно! закричалъ голова: — хоть и не слышалъ, однакожъ знаю, что главнаго тутъ дѣла еще нѣтъ. Читай далѣе!

«А вслѣдствіе того, приказываю тебѣ сей же часъ женить твоего сына, Левкѣ Макогодненка, на казачкѣ изъ вашего же села, Ганнѣ Петрыченковой, а также починить мосты на столбовой дорогѣ и не давать обывательскихъ лошадей безъ моего вѣдома судовымъ паничамъ, хотя бы они ѣхали прямо изъ казенной палаты. Если же, по пріѣздѣ моемъ, найду оное приказаніе мое не приведеннымъ въ исполненіе, то тебя одного потребую къ отвѣту. Комиссаръ, отставной поручикъ Козьма Деркачъ-Дришпановскій».

— Вотъ что! сказалъ голова, разинувши ротъ. — Слышите ли вы, слышите ли: за все съ головы спросятъ, и потому слушаться! безпрекословно слушаться! не то, прошу извинить... А тебя, — продолжалъ онъ, оборотясь къ Левку, — вслѣдствіе приказанія комиссара, — хотя чудно мнѣ, какъ это дошло до него, — я женю; только напередъ попробуешь ты нагайки! Знаешь ту, что виситъ у меня на стѣнѣ возлѣ покутя? Я поновлю ее завтра... Гдѣ ты взялъ эту записку?

Левко, несмотря на изумление, происшедшее отъ такого неожиданнаго оборота его дѣла, имѣлъ благо-разуміе приготовить въ умѣ своемъ другой отвѣтъ и утаить настоящую истину, какимъ образомъ до-сталась записка.

— Я отлучался, — сказалъ онъ, — вчера ввечеру еще въ городъ и встрѣтилъ комиссара, выльзав-шаго изъ брички. Узнавши, что я изъ нашего села, далъ онъ мнѣ эту записку и велѣлъ на словахъ тебѣ сказать, батю, что заѣдетъ на возвратномъ пути къ намъ пообѣдать.

— Онъ это говорилъ?

— Говорилъ.

— Слышите ли? сказалъ голова съ важною осан-кою, оборотившись къ своимъ спутникамъ: — ко-миссаръ самъ своею особою пріѣдетъ къ нашему брату, т.-е. ко мнѣ, на обѣдъ. О!... Тутъ голова поднялъ палецъ вверхъ, и голову привелъ въ такое положеніе, какъ будто бы она прислушивалась къ чему-нибудь. — Комиссаръ, слышите ли, комиссаръ, прі-ѣдетъ ко мнѣ обѣдать! Какъ думаешь, панъ пи-саръ, и ты, свать, это несовсѣмъ пустая честь, не правда ли?

— Еще, сколько могу припомнить, — подхватилъ писаръ, — ни одинъ голова не угощалъ комиссара обѣдомъ.

— Не всякій голова головѣ чета! произнесъ съ са-модовольнымъ видомъ голова. Ротъ его покривился и что-то въ родѣ тяжелаго, хриплаго смѣха, похо-жаго болѣе на гудѣнье отдаленнаго грома, зазвучало въ его устахъ. — Какъ думаешь, панъ-писаръ, нужно бы для именитаго гостя дать приказъ, чтобы съ каждой хаты принесли хоть по цыпленку, ну, пол-отна, еще кое-чего... А?...

— Нужно бы, панъ-голова!

— А когда же свадьбу, батько? спросилъ Левко.

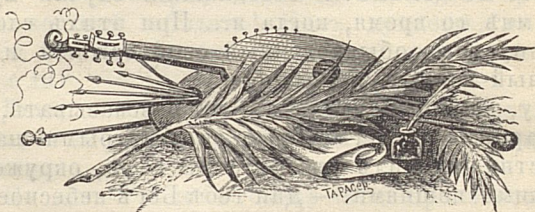
— Свадьбу? Далъ бы я тебѣ свадьбу!... Ну, да для именитаго гостя... завтра васъ попъ и обвѣнчаетъ. Чортъ съ вами! Пусть комиссаръ увидитъ,

что значить исправность! Ну, ребята, теперь спать! Ступайте по домамъ!... Сегодняшній случай припомнилъ мнѣ то время, когда я... При этихъ словахъ голова пустилъ обыкновенный свой важный и значительный взглядъ исподлобья.

— Ну, теперь пойдетъ голова рассказывать, какъ везъ царицу! сказалъ Левко, и быстрыми шагами и радостно спѣшилъ къ знакомой хатѣ, окруженной низенькими вишнями. — Дай тебѣ Богъ небесное царство, добрая и прекрасная панночка!» думалъ онъ про себя. «Пусть тебѣ на томъ свѣтѣ вѣчно усмѣхается между ангелами святыми! Никому не расскажу про диво, случившееся въ эту ночь; тебѣ одной только, Галю, передамъ его: ты одна только повѣришь мнѣ и вмѣстѣ со мною помолишься за упокой души несчастной утопленицы!» Тутъ онъ приблизился къ хатѣ: окно было отперто; лучи мѣсяца проходили чрезъ

него и падали на спящую передъ нимъ Ганну; голова ея оперлась на руку; щеки тихо горѣли; губы шевелились, неясно произнося его имя. «Спи, моя красавица! Приснишь тебѣ все, что есть лучшаго на свѣтѣ; но и то не будетъ лучше нашего пробужденія!» Перекрестивъ ее, закрылъ онъ окошко и тихонько удалился. И чрезъ нѣсколько минутъ, все уже уснуло на селѣ? одинъ только мѣсяцъ такъ же блистательно и чудно плылъ въ необъятныхъ пустыняхъ роскошнаго украинскаго неба. Такъ же торжественно дышало въ вышинѣ, и ночь, божественная ночь, величественно догорала. Такъ же прекрасна была земля, въ дивномъ серебряномъ блескѣ; но уже никто не упивался ими: все погрузилось въ сонъ. Изрѣдка только прерывалось молчаніе лаемъ собакъ, и долго еще пьяный Каленикъ шатался по уснувшимъ улицамъ, отыскивая свою хату.

Въ непродолжительномъ времени выйдутъ изъ печати
слѣдующія сочиненія Н. В. ГОГОЛЯ,

ВЪ НАРОДНОМЪ ИЗДАНІИ

КНИЖНАГО МАГАЗИНА

В. В. ДУМНОВА,

ПОДЪ ФИРМОЮ

НАСЛѢДНИКИ БР. САЛАЕВЫХЪ,

ВЪ МОСКВѢ,

на Мясницкой, противъ Златоустинскаго пер., домъ Обидиной:

1. Носъ.
2. Вій.
3. Сорочинская ярмарка.
4. Шинель.
5. Пропавшая грамота.
6. Ночь предъ Рождествомъ.
7. Коляска.
8. Тарась Бульба.
9. Страшная месть.
10. Вечеръ наканунѣ Ивана Купала.
11. Женитьба, совершенно невѣроятное
событіе.
12. Заколдованное мѣсто.

